

Причину «печали» старшего сына Линь Сань окончательно понял чуть позже.

Поводом послужило родительское собрание в школе. Глядя на табель успеваемости за прошлый семестр, Линь Сань лишь мысленно цокнул языком.

В классе было пятьдесят два ребенка, и Ван Яо занимал тридцать шестое место. Такой результат можно назвать разве что «ниже среднего». На самом деле, если судить по прилежности, парень очень старался, но, видимо, у него действительно не было таланта к учебе — приложенные усилия никак не хотели превращаться в богатый урожай оценок.

«Впрочем, всё равно лучше меня», — сочувственно подумал Линь Сань. Он-то сам с детства по успеваемости никогда не выходил из первой тройки... с конца.

Однако это нелепое самоутешение быстро развеялось. На трибуну вышла учительница с суровым лицом и высокими скулами и произнесла: — А теперь попросим ученика Цинь Чжи, занявшего первое место в общем рейтинге года, поделиться своим опытом в учебе.

Линь Сань резко вскинул голову и увидел того самого сорванца по фамилии Цинь, который с абсолютно невозмутимым видом поднялся на трибуну.

Два часа спустя долгое родительское собрание наконец закончилось. Дети, дожидавшиеся на спортплощадке, тут же бросились к своим мамам, чтобы вместе отправиться домой. Ван Яо не был исключением. Он стоял вместе с Цинь Чжи под перекладиной турника, и они о чем-то переговаривались.

Линь Сань направился к ним. Ван Яо опустил голову и тихо произнес: «Папа». С такими плохими результатами отец наверняка в нем разочарован.

И действительно, Линь Сань коротко кивнул, после чего его брови взлетели вверх, и он яростно выпалил:

— Это уже слишком!

Цинь Чжи, на которого обрушился этот поток негодования, опешил:

— ...Дядя?

— Ты вот такой умный, по всем предметам первый, как же ты не догадался помочь нашему Яо-яо?.. Разве наш Яо-яо к тебе плохо относится? Вы же такие закадычные друзья, почему бы не организовать взаимопомощь, чтобы прогрессировать вместе!

Цинь Чжи не нашелся что ответить. А Ван Яо с покрасневшими глазами выглядел еще более расстроенным.

Он всхлипнул:

— Это и есть результат того, что он изо всех сил меня подтягивал.

Цинь Чжи: «...» (А-Яо во всем хорош, но в плане учебы он действительно... непробиваем).

Линь Сань:

— ...Кхм-кхм, ну, ладно, ты не расстраивайся слишком сильно. Тридцать шестое место — не так уж и плохо, определенно есть куда расти.

Ван Яо стоял, понутив голову, с красными глазами. В его душе жила одна заветная мечта, о которой не знал никто. А именно: он хотел поступить в тот же университет, что и Цинь Чжи.

Но очевидно, что эта мечта была несколько далека от реальности. С оценками Цинь Чжи, если не случится форс-мажора, он гарантированно попадет в топ-3 вузов страны. А Ван Яо... честно говоря, ему и второразрядный институт не светит. Глядя на то, как сын убивается, Линь Сань уже собирался продолжить утешения, но тут Цинь Чжи вдруг приобнял Ван Яо за плечи. И прямо на глазах у Линь Саня он принялся нежно гладить его по голове и что-то шептать на ухо с невероятно заботливым видом.

Ван Яо же прислонился к его плечу, пару раз всхлипнул и что-то пробормотал — со стороны это выглядело донельзя кокетливо и капризно.

Линь Сань невольно нахмурился. На душе внезапно стало как-то странно.

— Кхм-кхм... Пошли. Домой.

Вечером после ужина Ван Яо ушел к себе повторять уроки, а Кэинь продолжила смотреть телевизор. Девчонка в последнее время под села на какую-то низкопробную слезливую драму: мало того, что смотрела каждую серию с упоением, так еще и очень старательно записывала реплики героев, а потом репетировала их перед зеркалом в полном самозабвении. Сам же Линь Сань впервые за долгое время открыл свой почти забытый «читерский девайс».

Да, тот самый дурацкий оптический компьютер от компании «Мы-тебя-кинем-и-прибьем».

Линь Сань открыл страницу Ван Яо: там значилось «Рисование (14%)». На его лице отразилась задумчивость. Через полчаса он вымыл несколько груш и постучал в дверь к сыну.

Комната была очень уютной. Ни малейшего беспорядка, в воздухе даже пахло свежим мылом.

Линь Сань сказал: — Отдохни немного, мне нужно с тобой поговорить.

Ван Яо придвинул ему стул.

— Тебе нравится рисовать? — прямо спросил Линь Сань.

Ван Яо опешил, а затем нерешительно кивнул.

— Есть какие-нибудь работы? Покажи, я посмотрю.

Ван Яо не понимал, с чего вдруг отец завел об этом речь, но по привычке послушно встал и с сомнением вытащил из-под кровати картонную коробку. Там лежали его рисунки. Мультяшные герои, пейзажи, портреты... Линь Сань нашел их весьма недурными.

Рисование (14%) было самым высоким показателем у Ван Яо. Иными словами, у парня действительно был талант. Линь Сань рассудил так: раз в учебе он «не тянет», можно компенсировать это в другой области. Как говорится, все дороги ведут в Рим, не обязательно вешаться на одной и той же ветке. До экзаменов в вуз еще два года — можно попробовать пойти по пути искусства.

Линь Сань так и подумал, и так и сказал.

Услышав это, Ван Яо предсказуемо опешил, но за этим изумлением было отчетливо видно: идея пришлась ему по душе.

— Но я... я никогда не учился этому профессионально. У меня получится?

— Получится или нет — узнаем, когда попробуешь. Я чувствую, что у тебя к этому большой талант.

Линь Сань выглядел очень уверенным, еще бы — у него ведь есть «чит»! К своему послушному и рассудительному старшему сыну он относился с особым вниманием.

Это проявилось в том, что следующие полмесяца он посвятил изучению процесса поступления в художественные вузы и поискам именитых учителей. Наконец, его старания были вознаграждены.

После тщательного отбора Линь Сань выбрал студию под названием «Точка отсчета». Она работала в Жунчэне уже около трех лет, а её владелиц и преподаватель, молодой человек по имени Бай Хуэй, был выпускником топовой художественной академии и лауреатом государственных премий. Больше половины его учеников за эти три года поступили в престижные творческие вузы.

Его по праву можно было назвать выдающимся мастером. Попасть к нему в студию было непросто, и Линь Саню пришлось задействовать кое-какие связи, чтобы наладить контакт.

В день, когда Ван Яо отправился на пробное занятие, парень жутко нервничал, его личико было напряжено до предела. Линь Сань же, напротив, выглядел расслабленным. Всё потому, что вчера вечером он втихую вложил часть накопленных очков навыков в сына, и теперь показатель Ван Яо в «Рисовании» вырос до 35%. Линь Сань не сомневался: если этот учитель действительно мастер, он сразу разглядит в мальчике «неограниченный алмаз».

Так оно и вышло. Учитель Бай очень мягко сообщил, что готов взять Ван Яо в ученики.

— Спасибо! Спасибо, папа!! — На обратном пути Ван Яо светился от счастья. Раньше он жил как в тумане, но теперь внезапно осознал: оказывается, и у него есть мечта!

— Не за что, главное — учись прилежно, — хохотал Линь Сань из-под шлема, ведя мотоцикл. — Глядишь, станешь великим художником, и я смогу хвастаться всем подряд, что у меня сын — человек искусства!

Ван Яо прыснул со смеху и, надув розовые губки, застенчиво бросил: «Ну тебя!».

Найдя цель в жизни, старший сын снова стал жизнерадостным, и его отношения с Линь Санем стали еще теплее. В семье царил лад, да и на любовном фронте дела шли не хуже. Хотя доктор Чжу еще официально не согласилась стать его девушкой, теперь она практически никогда не отказывала, когда Линь Сань звал её куда-нибудь. А когда она дежурила в ночную смену, Линь Сань заботливо привозил ей горячую еду, чем вызывал добродушные смешки и подколки у медсестер отделения.

Так случилось и в этот день. Линь Сань, бережно прижимая к себе термос с пельменями, пришел в больницу. Но на посту медсестры ему сообщили шокирующую новость.

— Сегодня один из родственников пациента устроил скандал и случайно ранил доктора Чжу.

Линь Сань изменился в лице. Он распахнул дверь кабинета: доктор Чжу сидела за столом в полном одиночестве. Линь Сань заметил, что её рука зафиксирована гипсом.

— Перелом? — резко спросил он.

Доктор Чжу подняла голову и взглянула на него:

— Ты как здесь оказался? —

— Принес тебе поесть. Еще раз спрашиваю: это перелом?

— Нет, просто сильный ушиб, — холодно ответила она с видом абсолютного безразличия. — Ничего особенного.

— Рассказывай, что произошло.

Видя, что Линь Сань не отступит, доктор Чжу после короткого колебания рассказала всё как есть.

— Отец нападавшего три месяца назад перенес операцию на глазах, я была ведущим хирургом. Операция прошла успешно, восстановление шло отлично. Однако через месяц после выписки пациент внезапно ослеп на левый глаз. Родственники решили, что это моя ошибка во время операции. Больница тут же собрала комиссию из экспертов для повторных осмотров. Результаты однозначны: слепота вызвана опухолью мозга, которая к операции не имеет никакого отношения.

Но, очевидно, родственники пациента не приняли эти доводы. Они считали, что больница выгораживает своих и все они «заодно».

«Вот оно что», — подумал Линь Сань. Но даже так...

— Медсестры сказали, что ты сама бросилась вперед, а у него в руках был нож. — Линь Сань усмехнулся и с любопытством посмотрел на доктора Чжу. — Ты правда была на сто процентов уверена, что сможешь выбить нож, или просто намеренно искала смерти?

Доктор Чжу долго молчала.

— Это не твое дело!

— Оу, ну извини за длинный язык, — Линь Сань беззаботно пожал плечами и улыбнулся. — Поправляйся и больше отдыхай. Я пойду.

Дверь кабинета закрылась. Доктор Чжу долго сидела неподвижно, глядя в пустоту. Наконец, она открыла оставленный алюминиевый термос. Внутри стройными рядами лежали аккуратные пельмешки, похожие на золотые слитки. С бараниной и луком.

<http://bllate.org/book/16514/1501403>